

УДК 001:1
ББК 72:87

СООТНОШЕНИЕ НОМОЛОГИЧЕСКОГО И АКСИОЛОГИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ В СТРУКТУРЕ ГУМАНИТАРНОГО ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

И.Н. Федулов

Статья посвящена исследованию взаимоотношения номологического и аксиологического содержания научной теории в гуманитарном знании. Показано, что они дополняют и обуславливают друг друга таким образом, что можно вести речь о дополнительной истине и ценностей в структуре теоретического знания в том смысле, в каком это понятие употребляется при квантово-механическом описании корпускулярных и волновых свойств микрочастиц. Главный вывод статьи состоит в утверждении о существовании аналога квантово-механического «соотношения неопределенностей», запрещающего одновременно и полную логическую формализацию структуры гуманитарной научной теории, и обязательную «ценностную нагруженность» всех ее элементов, а также утверждающего «обратное отношение» между данными процедурами.

Ключевые слова: гуманитарные науки, теоретическое знание, истина, ценности, номология, аксиология, дополнительность.

В настоящее время считается общепринятым, что гуманитарное познание ориентировано по преимуществу на ценностные аспекты изучаемых явлений и событий и тем отличается от познания естественнонаучного. Истоки этого мнения, как известно, были заложены более ста лет назад в работах В. Дильтея и представителей Баденской школы, которые, осознав специфику социальных и гуманитарных наук, первыми заявили о невозможности редукции их методологии к методологии естествознания. В последующие годы данный тезис обрел исключительную популярность, и сегодня, несмотря на замечательные примеры интеграции научного знания, все же следует констатировать, что традиция противопоставления естественных и социально-гуманитарных наук по-прежнему жива. Мы солидарны с мнением М.А. Розова в том, что ее существование «отрицательно сказывается как на гуманитарном, так и на естественнонаучном познании, изолируя друг

от друга представителей различных областей, препятствуя постановке методологических проблем и обмену опытом» [15, с. 23]. Поэтому одна из важнейших задач методологии науки сегодняшнего дня – поиск оснований для интеграции методологии естественных и социально-гуманитарных наук, ибо без этого этапа, на наш взгляд, интеграция науки невозможна.

Ключевым этапом поиска «единых начал» методологии естествознания и гуманитарных наук должно стать решение проблемы взаимоотношения «истины» и «ценностей» в структуре научной теории. Объективная истина, постигаемая наукой, репрезентируется в форме законов и составляет *номологическое* (от греч. νομος – «закон») содержание теории. Ценности же и нормы, служащие своего рода ориентирами в практической деятельности людей, далеко не всегда могут быть подвергнуты объективации и, следовательно, не могут быть включены непосредственно в структуру формулируемых законов. Поэтому они образуют особое, *аксиологическое* содержание теории, и считается, что именно его наличие, а точнее, невозможность его

элиминации без потери смысла постигаемых объективных закономерностей, отличает гуманитарные науки от естествознания, в котором объективность законов, наоборот, требует безусловной элиминации ценностей. В предлагаемой работе ставится цель не столько показать необоснованность этой и подобных точек зрения, сколько предложить и по возможности всесторонне обосновать методологическую схему, позволяющую интегрировать номологическое и аксиологическое содержание в единую структуру. Наличие такой структуры в фундаменте любого теоретического построения, на наш взгляд, служит лучшим доказательством правоты сторонников единого подхода в методологии естественных и гуманитарных наук, к числу которых автор относит и себя. Помимо этого мы покажем преимущества данного подхода в методологическом анализе гуманитарного знания по сравнению с традиционным противопоставлением «истины» «ценностям», а также и то, что он весьма далек от наивного и заслуженно критикуемого редукционизма.

Между тем анализ работ философов, разрабатывающих проблему номологического и аксиологического содержания теории, показывает, что уже в самой ее постановке отсутствует единство: вполне конструктивные взгляды у историков и философов естествознания сменяются явно радикальными у гуманитарно ориентированных исследователей, противопоставляющих «истину» «ценностям» и констатирующих «расторжение полифонического родства между Истиной, с одной стороны, и Добром и Красотой – с другой» [2, с. 74–75]. Согласно мнению Г.С. Батищева, известный девиз науки Нового времени «Знание – сила» означал, что наука «своей стратегемой сделала не гармонизацию и не служение абсолютным началам возможной гармонизации, но одностороннюю активность, экспансию, вторжение безотносительно к достоинству, технократическое подчинение мира бездуховному, самодовольному человеку-хозяйну. Сама истина, чем больше превращалась из объективной в сугубо объектную, переставала быть ценностью» [там же, с. 74] (выделено мною. – И. Ф.). С другой стороны, существует точка зрения, согласно которой «основоположники механицизма виде-

ли цель науки в исследовании истины бытия, проливающей свет на смысл жизни человека, задача познания истины, безотносительной к идее блага, была предельно чужда им» [8, с. 51]. Развивая эту идею, Л.М. Косарева утверждает, что «XVII век был столь плодотворным в научном отношении, что научные исследования для Декарта, Бойля, Гука, Ньютона являлись средством реализации их этической метапрограммы; *эти научные исследования отличала удивительная по силе ценностная мотивация*» [там же, с. 52] (выделено мною. – И. Ф.).

Очевидно, что и в первом, и во втором примере речь идет об одних и тех же ценностях. Но как же сильно различаются оценки по сути одного и того же процесса! Приведенные высказывания буквально во всем противоречат друг другу, в частности, расторжение столь милого сердцу Г.С. Батищева «полифонического родства» между Истиной, Добром и Красотой начисто отрицается исследованием Л.М. Косаревой. Можно бы видеть причину полярных оценок в личной позиции каждого из авторов, но мы полагаем, что есть основания усматривать действие причины куда более глубокой. Мы полагаем, что корень противоречия скрыт в широко распространенном убеждении в разной *онтологической природе* истины и ценностей. Убеждение, названное А.А. Ивиным «обычным», заключается в признании истины свойством мыслей правильно отображать действительность, а ценностей – свойством самих вещей отвечать каким-то целям, намерениям, планам и пр. [6] В такой формулировке разная онтологическая природа истины и ценностей, казалось бы, очевидна и не вызывает сомнений. Однако в приведенных нами примерах в качестве «вещи» выступает получаемое наукой новое знание, и здесь онтологическое различие между истиной и ценностью неожиданно пропадает – они становятся просто разными характеристиками этого самого знания: истина характеризует соответствие знания объекту, ценность – соответствие знания намерениям субъекта. Тем самым очевидна неуниверсальность приведенной точки зрения на соотношение истины и ценностей, в частности ее ограниченная применимость к проблемам гносеологии.

На наш взгляд, следует согласиться с А.А. Ивиным, что и истина, и ценность являются не разными свойствами объекта, а разными *отношениями* между мыслью и действительностью, будучи тем самым онтологически однородными категориями. Однако он полагает, что истинностное и ценностное отношения между утверждением и его объектом противоположны друг другу [6, с. 32]. Возможно, в естествознании дело обстоит именно так. Но в социально-гуманитарных науках имеются веские основания если не отвергнуть совсем, то по крайней мере существенно смягчить радикализм этой точки зрения. Причина тому – неустранимые аксиологические детерминации социально-гуманитарного знания, без влияния которых оно во многом бы обесмыслилось. Именно эти детерминации делают границу между истиной и ценностями размытой и неопределенной настолько, что не всегда удастся однозначно демаркировать номологическое и аксиологическое содержание теории в социогуманитарных науках. Мы не будем в очередной раз доказывать данное, по нашему мнению, многократно проверенное утверждение. Для достижения намеченной цели мы, опираясь на исторический анализ содержания категорий «истина» и «ценность» в работах европейских философов XX века, покажем недостаточность и противоречивость подхода, противопоставляющего их друг другу на основании убеждения в их различной онтологической природе и стремящегося в дальнейшем элиминировать одну из них.

Неудачные попытки историков, социологов и философов XIX столетия построить общественные науки по образцу естественных, открыв всеобщие социальные законы наподобие законов физики, породили уверенность, что виной тому – уникальность и неповторимость культурных явлений. «Есть науки, целью которых является не установление естественных законов и даже вообще не образование новых понятий; это исторические науки в самом широком смысле этого слова», – писал в свое время Генрих Риккерт. – «Они хотят излагать действительность, которая никогда не бывает общей, но всегда индивидуальной с точки зрения ее индивидуальности; и поскольку речь идет о последней, естественнонаучное познание оказывается бессильным, так

как значение его основывается именно на исключении им всего индивидуального как несущественного... История не хочет генерализовать так, как это делают естественные науки. И обстоятельство это является для логики решающим» [15, с. 74]. Открывая законы природы и тем самым постигая всеобщее, естественные науки приближаются к знанию абсолютной истины, и вехи этого пути находят свое отражение в научных теориях. Но если историческое и культурное не соотносимо со всеобщим, существующим в природе, то с чем же оно соотносимо? Риккерт приходит к выводу, что явления культуры соотносены с ценностями и именно они определяют величину индивидуальных различий, указывая в бесконечном многообразии различных черт на «существенное», «уникальное», «представляющее интерес». «Во всех явлениях культуры, – размышляет мыслитель, – мы всегда найдем воплощение какой-нибудь признанной человеком ценности, ради которой эти явления или созданы, или, если они уже существовали раньше, взлелеяны человеком» [там же, с. 55]. Таким образом, развивая идеи Дильтея, противопоставившего «науки о природе» «наукам о культуре», и Виндельбанда, сделавшего то же с их методами, Риккерт, противопоставив истину и ценности, тем самым доводит начатый предшественниками процесс до логического завершения. Окончательную же точку здесь ставит Макс Шелер, который в свойственной его произведениям возвышенной манере отводит ценностям место среди иррационального: «У сердца в его собственной сфере имеется строгий аналог логики, отнюдь не заимствованный им из логики рассудка. В него... вписаны законы, соответствующие плану, по которому мир выстроен как ценностный мир. Оно способно любить и ненавидеть слепо и разумно – так же, как слепо и разумно мы можем судить о чем-либо» [19, с. 359].

Итак, начало положено... Очерчена грань, разделяющая «номотетические» науки о всеобщем и «идиографические» науки об индивидуальном, и отныне они будут противостоять друг другу. Подобно тому как за два столетия до этого естественные науки пытались выделиться из лона философии, систематически подчеркивая свое отличие от спе-

кулятивного знания, так же и гуманитарные науки в пору методологической зрелости пытаются вступить независимо от «флагмана науки» того времени – естествознания. Этап переживания подобной «болезни роста» в жизни любой науки представляется вполне закономерным. Но в такой радикальной постановке проблемы изначально кроются зерна противоречия: ставя «во главу угла» индивидуальность, невозможно устанавливать закономерности, следовательно ни о какой «генерализации» речи не может идти вообще. Это хорошо понимает современник Риккерта Э. Кассирер, который в «Философии символических форм» пишет по этому поводу: «Всякое познание, какими бы разными ни были его пути и направления, в конечном счете стремится свести многообразие явлений к единству “основоположения”». Отдельное не должно оставаться отдельным, ему надлежит войти в ряды взаимосвязей, где оно будет уже элементом “системы” – логической, телеологической или причинной. В стремлении к этой цели – включению особенного в универсальную форму законосообразности и упорядоченности – раскрывается сама сущность познания» [7, с. 14]. Почему же Риккерт прошел мимо столь очевидного факта? На наш взгляд, причина тому – глубоко укорененная в сознании ученых того времени традиция классической науки рассматривать природу как нечто неизменное, «ставшее», а историю как нечто принципиально незавершенное, «становящееся». Эту мысль очень точно выразил О. Шпенглер: «Действительность становится природой, если все становление рассматривать с точки зрения ставшего; она есть история, если ставшее подчинять становлению» [20, с. 158–159]. В незавершенном же по определению невозможно выделение каких-либо закономерностей, что когда-то было остроумно подмечено Платоном: «Видимо, нельзя говорить о знании, если все вещи меняются и ничто не остается на месте» [13, с. 439–440].

Между тем «вечно изменяющееся» общество нуждается в изучении ничуть не меньше «вечно неизменной» природы. И при изучении общества, так же, как и при изучении природы, приходится выделять закономерности и верифицировать получаемое знание. Главным же детерминирующим знанием об

обществе фактором выступает как раз «ценностная сфера». Исследователю, устанавливающему на основе анализа эмпирических фактов объективные закономерности, приходится решать одновременно две задачи: необходимо отделять факты от собственных оценок и ценностей и в то же время помнить о ценностных детерминациях исторических и социальных процессов, то есть реализовать на практике то, что Макс Вебер называл «постулатом свободы от ценностных суждений». Так, он писал: «Речь идет о весьма тривиальном требовании, которое сводится к тому, чтобы исследователь отчетливо разделял две группы гетерогенных проблем: установление эмпирических фактов (включая выявленную исследователем «оценивающую» позицию эмпирически исследуемых им людей), с одной стороны, и собственную практическую оценку, то есть свое суждение об этих фактах (в том числе и о превращенных в объект эмпирического исследования «оценках» людей), рассматривающее их как желательные или нежелательные, то есть свою в этом смысле оценивающую позицию – с другой...» [5, с. 558].

Однако данное требование далеко не тривиально – в практической деятельности социального ученого, пытающегося смотреть на изучаемые события глазами непосредственных участников и понимать их мотивы и ценности, далеко не всегда удается дифференцировать собственную оценку изучаемых процессов и событий и «оценивающую позицию эмпирически исследуемых им людей», в особенности если сам ученый является их непосредственным и активным участником. Не существует алгоритма освобождения от оценок, пригодного на все случаи жизни, и это обстоятельство дало основания Карлу Попперу посчитать задачу «изгнания» вненаучных ценностей из научной деятельности «практически невыполнимой»: «Мы не можем запретить ему [ученому. – *И. Ф.*] оценивать или ломать его оценки, не сломав его ранее как человека и как ученого» [14, с. 71]. Согласно Попперу, поставленная Вебером задача освобождения от ценностей невыполнима еще и потому, что истина, объективность и свобода от ценностей сами являются ценностями. Поэтому различие номотетических и идиографических наук по критерию, предложенному

Г. Риккертом, неоправданно, если, по словам Поппера, «под “наукой” понимать занятие с определенными *логически различимыми* проблемами того или иного рода» [14, с. 73] (выделено мною. – *И. Ф.*).

С Поппером можно соглашаться или не соглашаться (как поступает, например, Теодор Адорно, вслед за М. Вебером полагающий, что научная объективность достижима лишь в случае безусловной свободы от ценностей), однако ясно, что после его работ дискуссия о взаимоотношении номологического и аксиологического окончательно перешла в «рациональную плоскость». «Вещь, предмет общественного познания, – пишет Т. Адорно, – столь же мало является свободной от долженствования, неким простым наличным бытием – последним она делается лишь будучи рассеченной абстракцией – как и ценность, не является чем-то потусторонним, прибитым к небесному царству идей. Суждение о вещи... одновременно указывает на вещь и не исчерпывается иррациональным субъективным решением, как то представлялось Веберу» [1, с. 83].

Стремление Вебера и его школы «понять» социальные явления в терминах «значащих» категорий человеческого опыта без обращения к логическим процедурам правильного вывода и верификации подверглось дальнейшей критике Эрнестом Нагелем. Он, в частности, полагает, что три фактора препятствуют появлению объективного знания в рамках веберовской концепции: «1) мотивы действия не доступны чувственному наблюдению...; 2) приписывание эмоций, установок и целей в процессе исследования публичного поведения является двойной гипотезой: она предполагает, что участники некоторых социальных явлений находятся в определенном психическом состоянии; она также предполагает определенные взаимоотношения между такими состояниями, а также между ними и публичным поведением...; 3) мы не «понимаем» природы человеческих мотивов и их проявлений в публичном поведении более адекватно, чем «внешние» причинно-обусловленные отношения» [21, с. 53–54]. Позицию Нагеля, испытавшего в свое время сильное влияние неопозитивизма, можно считать крайне логицистской и эмпиристской, однако нельзя не отметить, что она в наибольшей степени

отражает желание получить именно верифицируемое знание. Между тем, по мнению Альфреда Шюца, эта точка зрения, выигрывая в одном, неизбежно проигрывает в другом – Нагель не понимает смысла веберовского постулата «субъективной интерпретации».

Шюц старается примирить «понимающую социологию» Вебера и эмпиризм Нагеля и Гемпеля, полагая, что дело в обычном заблуждении последних относительно эпистемологической природы понимания. Согласно его точке зрения, понимание является «особой формой опыта, посредством которой обыденное мышление познает социально-культурный мир... Это продукт процессов сбора или изучения, аналогичных повседневному опыту восприятия мира природы... Понимание не является частным делом наблюдателя, неподвластным проверке в опыте других наблюдателей» [21, с. 58]. Таким образом, Шюц, вслед за Вебером желая изучать социальную реальность, воспринимаемую людьми в повседневном опыте, который наполнен субъективным смыслом, все-таки рассчитывает получить объективное знание, доступное для верификации. В основе верификации, по Шюцу, лежит принцип рационального обоснования поведения действующего лица, которое могло бы быть понято с помощью обыденных интерпретаций как наблюдателю, так и наблюдаемому. Мотивы, цели и социальные роли поэтому подчиняются сразу двум постулатам: «логической последовательности» и «адекватности». Постулат логической последовательности гарантирует объективную достоверность объектов мышления, созданных социальным ученым, постулат адекватности – совместимость с конструктами повседневной жизни.

Таким образом, следуя за мыслью ведущих методологов социально-гуманитарных наук, можно прийти к двум выводам. Во-первых, понимание социального опыта, основанное на субъективных оценках, имеет такую же рациональную природу, как и объяснение, исходящее из признания существования объективной истины в знании о природе и обществе. Утверждение обратного входит в противоречие с многолетним опытом и всем содержанием гуманитарных наук и помимо всего прочего обесмысливает деятельность

ученых, занятых в этой области знания. Будучи «прогнанным от парадного», рационально постигаемое всеобщее стремится проникнуть в структуру гуманитарного теоретического знания «с черного хода», проявляясь в требованиях присутствия в теориях объективного содержания и верификации знания. В современном социально-гуманитарном знании данная тенденция прослеживается весьма отчетливо [9, с. 11–52; 10, с. 7–18]. Во-вторых, следует согласиться с А. Шюцем, что различие между социальными и естественными науками не следует усматривать в различных логиках, управляющих каждой из этих отраслей знания. В его уже цитировавшейся работе можно встретить такие слова: «И в естественных, и в социальных науках преобладают принципы вывода и обоснования, а также теоретические идеалы единства, простоты, универсальности и точности» [21, с. 52].

Опыт, накопленный современной методологией науки, подтверждает эту точку зрения. Не имея возможности в рамках одной статьи сколько-нибудь подробно анализировать его результаты, лишь упомянем в ряду наиболее значимых работ исследования Е.А. Мамчур, С.В. Илларионова, посвященные внеэмпирическим критериям и регулятивным принципам построения теорий в естественных науках, в основе которых лежат эстетические критерии простоты и красоты [11; 12]. Исходя из этих работ и ряда работ других исследователей, автором настоящей статьи в свое время был подробно исследован также эстетический по своей природе критерий минимизации знания [17; 18]. Выводы, сделанные в этих работах, позволяют заключить, что нелогические, ценностные по своей природе критерии играют важную, а подчас и определяющую роль в процессе формирования научной теории.

Принцип конкретности истины применительно к социально-гуманитарному научному знанию требует присутствия в логических построениях теорий ценностной детерминанты. Попытка построить теорию, опираясь только на что-нибудь одно, рано или поздно неизбежно приводит к противоречию. Можно ли считать истину и ценности противоположными друг другу? Проведенный нами анализ показывает, что да, можно. Но можно ли их считать онтологически различными, если в конкретных научных

теориях объективно истинное содержание выступает одной из главных ценностей? На наш взгляд, нет. Стремление к объективной истине заставляет избавляться от субъективных оценок, но уже сама эта процедура оказывается ценностно нагруженной и, таким образом, совсем избавиться от ценностей становится невозможно. С другой стороны, при выборе надлежащей оценки для интерпретации фактов исследователь всегда уверен, что даст единственно правильную, истинную оценку. Мы можем наблюдать, как номологическое содержание и аксиологическое содержание теории проникают друг в друга, образуя неразрывное единство в структуре абстрактного теоретического объекта.

Сказанное выше приводит нас к выводу о том, что номологическое содержание и аксиологическое содержание теории связаны между собой отношением дополнителности, подобно тому, как связаны между собой корпускулярные и волновые свойства микрочастиц. На существование подобной дополнителности (хотя и безотносительно к анализу социально-гуманитарного знания) указывал в свое время еще Нильс Бор, говоря о том, что «глубокий анализ любого понятия и его непосредственное применение исключают друг друга» [3, с. 58]. Его позднейшие работы заставляют полагать, что причины возникновения указанной дополнителности он склонен видеть, главным образом, в свойствах языка, «в котором практическое применение всякого слова находится в дополнительном соотношении с попытками его строгого определения» [4, с. 398]. Солидаризуясь с Бором, мы, однако, считаем необходимым напомнить, что практическое применение языковых средств заключается по большей части именно в оценочных суждениях. Исходя из этого, мы выделяем два аспекта дополнителности. Во-первых, соотношение дополнителности может характеризовать знание о разных сторонах одного и того же феномена, получаемых при помощи какого-либо одного средства. Именно этот аспект проявляется в естественных науках, запрещая одновременное точное измерение ряда характеристик микрочастиц. Во-вторых же, дополнителность может характеризовать описание одной из сторон данного феномена разными средствами. В настоящей статье отражен именно второй аспект – «истинност-

но-ценностный» дуализм описания исторических, социальных и культурных явлений.

Сказанное позволяет по-новому взглянуть на формирование научной теории. Она предстает, прежде всего, как результат синтеза двух начал – номологического и аксиологического описания действительности. И на одном из «плюсов» находятся полностью свободные от оценок математические теории, а на другом – религия, искусство и обыденное познание, в свою очередь полностью свободные от необходимости логической формализации и организации по нормам гипотетико-дедуктивного построения. В любой же естественнонаучной и особенно (как показывает проведенный нами анализ) в гуманитарной теории оба этих начала важны в равной мере, хоть и взаимоотношение между ними может кардинально различаться.

Рассмотрение истины и ценностей с позиции дуализма порождает ряд интересных в философском отношении проблем. На наш взгляд, главная из них состоит в следующем. Если принцип истинностно-ценностного дуализма верно отражает структуру социально-гуманитарной теории, то должен также существовать соответствующий аналог квантово-механического «соотношения неопределенностей» между объективной истиной и субъективными оценками, указывающий на принципиальную невозможность одновременно и полной формализации (в смысле логической выводимости, полноты и непротиворечивости утверждений), и обязательной «ценностной нагруженности» всех элементов ее структуры, и требующий «обратного отношения» между данными процедурами. Указанные аспекты должны находиться во взаимно-обратном отношении. Обнаружение такого соотношения само по себе явилось бы прекрасной верификацией предложенной в настоящей работе точки зрения на соотношение номологического и аксиологического содержания научной теории. И в заключение, подводя итог настоящей работе, необходимо отметить, что изложенная концепция «истинностно-ценностного дуализма» в будущем могла бы служить основой более широкого, чем это было отмечено в начале статьи, методологического подхода, позволяющего рассматривать с единых позиций не только собственно научное знание, но и его ненаучные формы, и способного, наконец, преодолеть многовековое отчуждение между ними.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адорно, Т. К. Логика социальных наук / Т. Адорно // Вопросы философии. – 1992. – № 10. – С. 76–86.
2. Батищев, Г. С. Истина и ценности / Г. С. Батищев // Познание в социальном контексте / отв. ред. В. А. Лекторский, И. Т. Касавин. – М. : ИФРАН, 1994. – 174 с.
3. Бор, Н. Квант действия и описание природы (1929 г.) / Н. Бор // Избранные труды. В 2 т. Т. 2 / Н. Бор. – М. : Наука, 1971. – 677 с.
4. Бор, Н. О понятиях причинности и дополненности (1948 г.) / Н. Бор // Избранные труды. В 2 т. Т. 2 / Н. Бор. – М. : Наука, 1971. – 677 с.
5. Вебер, М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке / М. Вебер // Избранные произведения : пер. с нем. / М. Вебер ; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
6. Ивин, А. А. Ценности и понимание / А. А. Ивин // Вопросы философии. – 1987. – № 8. – С. 31–43.
7. Кассирер, Э. Философия символических форм. В 3 т. Т. 1 / Э. Кассирер. – М. ; Спб. : Университетская книга, 2002. – 271 с.
8. Косарева, Л. М. Ценностные ориентации и развитие научного знания / Л. М. Косарева // Вопросы философии. – 1987. – № 8. – С. 44–54.
9. Ларсен, С. Введение / С. Ларсен // Теория и методы в современной политической науке : пер. с англ. / под ред. С. Ларсена. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 751 с.
10. Ларсен, С. Введение / С. Ларсен // Теория и методы в социальных науках : пер. с англ. / под ред. С. Ларсена. – М. : Московский государственный институт международных отношений (Университет) ; Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 288 с.
11. Мамчур, Е. А. Внеэмпирические критерии в обосновании истинности теоретического познания / Е. А. Мамчур // Практика и познание / [Редкол. Д. П. Горский и др.]. – М. : Наука, 1973. – 360 с.
12. Мамчур Е. А. Регулятивные принципы построения теории / Е. А. Мамчур, С. В. Илларионов // Синтез современного научного знания : [сб. ст.]. – М. : Наука, 1973. – 640 с.
13. Платон. Кратил / Платон // Соч. В 4 т. Т. 1. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006.
14. Поппер, К. Логика социальных наук / К. Поппер // Вопросы философии. – 1992. – № 10. – С. 65–75.
15. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. – М. : Республика, 1998. – 393 с.
16. Розов, М. А. О соотношении естественнонаучного и гуманитарного познания (проблема методологического изоморфизма) / М. А. Розов // Наука глазами гуманитария / отв. ред. В. А. Лекторский. – М. : Прогресс-Традиция, 2005. – 688 с.

17. Федулов, И. Н. Научная теория в кругу проблем философии и методологии науки / И. Н. Федулов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – № 3 (27). – Сер. «Социально-экономические науки и искусство». – С. 38–43.

18. Федулов, И. Н. Философско-методологические основания минимизации теоретического знания : (монография) / И. Н. Федулов. – Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. мед. ун-та, 2007. – 96 с.

19. Шелер, М. *Ordo amoris* / М. Шелер // Избранные произведения : пер. с нем. / М. Шелер ; сост., науч. ред., предисл. А. В. Денежкина; послесл. Л. А. Чухиной. – М. : Гнозис, 1994. – 490 с.

20. Шпенглер, О. *Закат Европы* / О. Шпенглер. – Новосибирск : Наука, 1993. – 592 с.

21. Шюц, А. *Формирование понятия и теории в социальных науках* / А. Шюц // Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. – М. : РОССПЭН, 2004. – 1056 с.

CORRELATION OF NOMOLOGICAL AND AXIOLOGICAL CONTENTS IN THE STRUCTURE OF HUMANITARIAN THEORETICAL KNOWLEDGE

I.N. Fedulov

The article is devoted to the research of the correlation between nomological and axiological theory content in humanitarian science. It is shown that both contents complete and condition each other in such a manner that it is possible to conclude on complementarity of truth and values in the structure of theoretical knowledge within the concept used in quantum-mechanical description of corpuscular and wave properties of microparticles. The author comes to the conclusion that there exists an analogue of quantum-mechanical “uncertainly relation”, prohibiting procedures of total logical formalization of human scientific theory structure and obligatory “value load” of all its elements taken simultaneously, and confirming inverse relation between the procedures as well.

Key words: *human sciences, theoretical knowledge, truth, values, nomology, axiology, complementarity.*